

4. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. – С. 191.
5. Козин Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж: ВГПИ, 1989. – С. 9-14.
6. Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2002. – 26 с.
7. Кольцов П.М. Поселение Джангар. – Москва, 2004. – 156 с.
8. Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев: КГПИ, 1976. – С. 13-17.

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ И АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТХОДОВ ПРОИЗВОДСТВА СО СЛЕДАМИ ТЕРМИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ САХТЫШ-II)

С.Д. Сапогова

Ивановский государственный университет, г. Иваново.

Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры истории России

Е.Л. Костылева

В Тейковском районе Ивановской области, вблизи озера Сахтыш находится 15 памятников археологии, материалы которых относятся к разным археологическим эпохам – от мезолита до РЖВ включительно. Они исследовались с небольшими перерывами Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР (РАН) с 1962 по 2006 гг. под общим руководством Д.А. Крайнова (до 1994 г.), а потом – М.Г. Жилина. Среди них большой интерес представляет памятник Сахтыш-II, на котором представлены как поселенческие материалы, так и могильник IV-III тыс. до н. э., относящийся к льяловской и волосовской культурам. Раскопки памятника проводились в 1963, 1964, 1966 гг. (Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А.); 1978-1982, 1984 гг. (Крайнов Д.А.); 1985-1987 гг. (Крайнов Д.А., Костылева Е.Л.).

Волосовская погребальная обрядность предусматривала создание так называемых ритуальных «кладов», содержащих орудия производства и украшения из разнообразных материалов. В «кладах» присутствуют орудия охоты (наконечники стрел и дротиков), рыбной ловли (гарпуны и

зубчатые острия), орудия для обработки различных материалов (долота, тесла, стамески, скребки, ножи, перфораторы), орудия для вязания сетей и ретушеры для изготовления кремневых орудий. В нескольких «кладах» обнаружены украшения — подвески из сланца, кости и зубов животных. Больше всего в «кладах» предметов из кремня. Все они несут следы воздействия огня или засыпаны охрой. Эти «клады» изучены и представлены в литературе достаточно хорошо [Костылёва, Уткин, 2010; Костылёва, Уткин, 2015; Цветкова, 1957; Цветкова, 1975]. Однако никто из исследователей волосовских памятников не обращался к анализу отходов производства кремневых орудий, несущих следы воздействия огня.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения контекста появления на памятнике термических осколков и отщепов: появляются ли они на стадии изготовления орудий в результате применения технологии нагрева кремня для его расщепления или относятся к ритуальной практике, связанной с разведением огня над «кладами».

Необходимо заметить, что исследования и эксперименты по тепловой обработке кремня проводились на других памятниках археологии. При этом интерес представляют материалы раскопок В.Н. Карманова на поселении Угдым I, которое относится к кругу культур с пористой керамикой, куда входит и волосовская культура [Карманов, 2015, с. 313, 321].

Основным источником работы послужили коллекции из раскопов Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР (РАН) за 1980 и 1986 годы, хранящиеся в Археологическом музее ИвГУ. Они представляют собой разные по величине термические отщепы и осколки, среди которых преобладают средние по размерам

На первом этапе работы был проведен анализ отщепов и осколков со следами термического воздействия на участках, где не было ритуальных площадок с «кладами». Так, раскоп 1980 г. с запада и юга примыкал к раскопу 1979 г., где было обнаружено «святилище» и один лишь клад №11, засыпанный охрой, без следов воздействия огня. Раскоп 1986 г. с юга и востока примыкал к раскопу II 1985 г., где находилась окраина ритуальной площадки с «кладом №9».

Методика работы заключалась в следующем: просмотр всех отходов производства, имеющихся в коллекции за 1980 и 1986 гг., и выявление среди них экземпляров, содержащих следы воздействия огня, которые проявлялись в изменении цветности кремня и повышении его хрупкости. Желтый, типично волосовский кремень при тепловом (огневом) воздействии приобретает различные оттенки красного цвета. Это было подтверждено и экспериментально.

Далее выявленные отщепы наносились на план раскопа с указанием их количества в том или ином квадрате по соответствующим глубинам.

Параллельно с работой над планиграфией составлялись подробные статистические таблицы.

Раскоп 1980 года. В раскопе площадью 164 м² было обнаружено 199 отщепов со следами термического воздействия. Они располагались неравномерно: наибольшее количество находилось в южной и юго-восточной части раскопа на глубине 20-30 см (152 экз.).

Раскоп II 1986 года. В раскопе площадью 76 м² было обнаружено 50 отщепов со следами термического воздействия. Отщепы располагались неравномерно, в основном на юге и юго-западе раскопа, а также небольшое количество находилось на севере. Преобладали изделия средней величины. Более всего отходов найдено тоже на глубине 20-30 см (15 экз.).

Таким образом, наибольшее количество кремня в обоих раскопах на глубине 20-30 см может фиксировать уровень дневной поверхности поздневоловосовского времени, по которой ходили создатели «кладов». На этом же уровне находились и развалы воловских сосудов.

На данной стадии работы не удалось выявить контекст появления на площади раскопов 1980 и 1986 гг. термических осколков и отщепов, а именно: являются ли они результатом технологического нагрева для расщепления кремня или относятся к ритуальной практике, связанной с разведением огня над «кладами».

В перспективе планируется проведение анализа кремневых отщепов и осколков со следами термического воздействия, происходящих непосредственно с ритуальных площадок с «кладами», и сравнение их с подобными материалами, обнаруженными вне ритуальных площадок.

Литература

1. Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на Средней Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып.10. Т. I : Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. – Тверь : ООО Издательство «Триада», 2015. – С. 313-324 : ил.
2. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС. 2010. – С. 9-150: ил.
3. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Воловские «клады» стоянок Сахтыш II и VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы:

хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под редакцией В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. – СПб.: ИИИМК РАН, 2015. – С. 109-114: илл.

4. Цветкова И.К. Волосовский клад. М., 1957 // Труды ГИМ. Вып. XXII : Памятники культуры. – 49 с.: ил.

5. Цветкова И.К., 1975. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М. – С. 102-111: илл.

МИКРОЛИТЫ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В.А. Смагин

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара

*Научный руководитель – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой
отечественной истории и археологии СГСПУ А.А. Выборнов*

Одни исследователи отмечали, что кремневые комплексы Среднеазиатского междуречья и Северного Прикаспия различаются не типами, а их компоновкой [Виноградов, 1981, с. 164], а другие считали их отличия более принципиальными [Выборнов, 2008, с. 41]. Неолитические микролиты Северного Прикаспия представлены параллелограммами, сегментами с гелуанской ретушью и трапециями, в том числе со струганной спинкой.

К востоку от Северного Прикаспия (Приаралье, Хорезм, Устюрт, Мангышлак) распространены кельтеминарская и оюклинская культуры. В данном случае объектом нашей работы являются геометрические микролиты.

Одна из основных стоянок Средней Азии – Аякагитма. Она находится в юго-восточных Кызылкумах, в районе ныне не функционирующей древней дельты р. Зарафшан [Хужаназаров и др., 2014, с. 196]. На этом памятнике выделены треугольники дарьясайского типа. В большинстве случаев это неравобедренные треугольники, а также треугольники типа Аякагитма – неравобедренные, очень тонкие треугольники, имеющие по длинному краю очень высокую притупляющую ретушь, придающую всему оружию игловидную форму. Присутствуют и треугольники типа Кушилиш – неравобедренные, очень тонкие, изящные треугольники, изготовленные из аккуратных пластин, имеющие тонкую, но не всегда регулярную ретушь [Szymczak, Khudzhanazarov, 2006, с. 31]. Геометрические микролиты типа «треугольник», а именно асимметричные треугольники, найденные на многих стоянках кельтеминарской (Дам-Дам Чемше 2 [Хамракулиев,